

В дом к Розову входишь, словно в его пьесу,— может быть, одну из самых удавшихся. Здесь кипит жизнь, много действующих лиц, а драматург, как ему и положено, управляет действием незримо из своего рабочего кабинета. Мизансцена для разговора об интеллигенции выстроилась идеальная: Виктор Розов у массивного письменного стола, заваленного томами Достоевского.

Виктор Розов:

ТРУДНО ЖИТЬ ПОПЕРЕК ВЕКА

— Виктор Сергеевич, вы практически замолчали сами и потому, наверное, можете объяснить причину молчания других. Что происходит сегодня с интеллигенцией старшего поколения?

— Я не скажу ничего нового, если отвечу, что мы растерялись. Смена системы ценностей гораздо серьезнее смены экономических формаций. Наши нравственные принципы оказались вдруг устаревшими и никому не нужными. Переделать себя нам уже не удастся, так что остается только замолчать. Единственное, чему я радуюсь, что это время застигло меня в конце жизни, когда у человека появляется законное право ничего не делать.

— Но ведь именно творческая интеллигенция так жаждала свободы.

— Мы ждали свободы и надеялись, что она породит взрыв новых, небывалых сил и в искусстве, и в литературе. Надежды, как видите, не оправдались. Напротив, возник интересный феномен. Точь-в-точь по известному закону физики: действие равно противодействию. Нет противодействия, нет и самого действия. Исчезла цензура — замолчали писатели.

Но это так, веточка мысли, шутка, конечно. А заговоздка, вероятно, в том, что свобода слова не есть еще духовная свобода. Мы ведь опять попали в лапы жесткой идеологии. В общество внедряется новый культ — теперь это культ золотого тельца. У всей страны повальное воспаление мозга. Богатство возводится у нас в ранг добродетели. Раньше в России по крайней мере знали: бедность — не порок. А теперь по телевидению, через газеты упорно вдалбливается мысль: у тебя нет денег? — значит, ты бездарь, лентяй, тупица! Так тебе и надо, собачий сын!.. Причем всем известно, что нынешнее богатство достигается не тяжелым трудом и напряжением мозговых клеток, а махинациями и аферами. Не то плакать, не то смеяться... Я ничего не понимаю в этом времени и не хочу в нем участвовать. Воспевать Гобсеков и Скупых рыцарей — по-моему, непристойное занятие. Все-таки в истории литературы они всегда были отрицательными персонажами. «Сатана там правит бал» — не забывайте!

— Однако свобода слова дает возможность каждому, в том числе и вам, отстаивать собственную систему ценностей.

— Этого недостаточно. Нужна еще аудитория, готовая тебя по крайней мере выслушать. За последние годы я, по-моему, лишился такой аудитории. Жить и писать пьесы поперек века, поперек ситуации очень трудно. Но я всю жизнь находил где-то на идеологической периферии, мне не привыкать. Допустим, я бы сумел перебороть себя и решился сочинить пьесу о том, что мне действительно

дорого: о доброте, самопожертвовании, бескорыстной дружбе, любви — в полном смысле этого слова. Не исключено даже, какой-нибудь театр примет ее к постановке. Но весьма сомнительно, что этот спектакль будет собирать полные залы, и сегодняшние зрители захотят досмотреть его до конца да еще оплодотворить. Все эти вещи сегодня, что называется, не в моде. Сфера деятельности писателя — не столько эстетическая, сколько духовная. А в сегодняшней России люди, формирующие духовную ауру страны, перестали быть главными.

— Вы уверены, что в России минувших десятилетий они занимали привилегированное положение?

— Раньше хотя бы приличия соблюдались. Академик или народный артист Союза имел право жить лучше остальных, поскольку он это право заслужил трудом и талантом. А теперь возникает ощущение, что население России исчерпывается шахтерами: с них начинается, на них же и заканчивается. Споры нет, работа тяжелая, но если они способны при каждом удобном случае брать правительство за горло, а интеллигенция — нет, то, значит, так тому и быть: выживает сильнейший. Почему все с такой легкостью порешили, что без шахтеров Россия никак не обойдется, а без интеллигенции — совершенно спокойно?

— А может быть, так оно и есть! Недаром российский интеллигент всегда был присутствием «комплекс неполноценности».

— Это заблуждение, ей не за что себя казнить. Все, что создается умом и талантом, пусть даже в башне из слоновой кости, в конечном итоге адресовано народу. Вернее — людям. Я не люблю это одновременно и высокопарное, и уничижительное слово — «народ». «Мы», «они» — кто может провести черту? Мы все страшно перемешаны. Творчество — уникальный процесс, в котором индивидуальное вдруг совпадает с общечеловеческим. Писешь пьесу вроде бы ради собственного удовольствия, а получается — для всех.

— Иосиф Бродский однажды написал: «ворюга мне милей, чем кровопийца». Но выходит, что для культуры атмосфера пошлости более губительна, чем атмосфера жестокости!

— Конечно, в этом отношении ворюги опаснее кровопийц. Кровопийцы посягают на жизнь, а ворюги прямо в душу лезут и пытаются ее изуродовать. Помню, во время войны, совсем молодой, я попал в госпиталь. Нога загноилась, а я лежу — шучу, смеюсь. Медсестра меня спрашивает: «Розов, что ты все время веселишься, ты ж больной». А я ей отвечаю: «Это у меня нога больная, а я сам-то здоров...». Зато сегодня я болен по-настоящему. Душа болит.

— У ваших пьес были оптимистичные, обнадеживающие названия: «В добрый час!», «В

поисках радости», «В дороге»... Как, по-вашему, следовало бы назвать пьесу о сегодняшней жизни?

— «В поисках удовольствия». Радости сейчас мало кому интересуют, потому что их нельзя купить за деньги. Попробуй купи друга или любовь. Ну разве что постельную. С удовольствиями проще. Но производить удовольствие — не дело интеллигенции. Ей дано гораздо больше — сделать людей счастливыми в тех обстоятельствах, в которых они живут.

— То есть интеллигенции не стоит стремиться влиять на политическое развитие страны, ее задача — поддерживать каждого конкретного человека!

— Ее задача — строить человека. В безыдейном обществе это практически невозможно. Навивный идеализм я терпеть не могу точно так же, как и вульгарный материализм. Но идея как основной смысл человеческого существования необходима всегда.

— А как насчет идеи привести страну в цивилизованный вид?

— Духовно мы давно цивилизованы. Что касается экономики, я обеими руками — за. Я радовался приходу Горбачева, поддерживал его реформы и до сих пор испытываю к нему безмерное уважение за его смелость. Он проявил огромную силу духа, это несравнимо даже с выступлением Хрущева на двадцатом съезде партии. Когда началось перестройка, я тоже набрался храбрости, зашел в ЦК к одному секретарю по идеологии и посоветовал: «Начните с дела, забросьте прилавки конфетами...». Люди должны были почувствовать реальное улучшение. Но в интересе партократии это не входило. Горбачева она смела, а сама осталась сидеть на прежнем месте. Если она и меняет систему, то лишь в сторону собственной выгоды.

— Иными словами, у нас произошла вторая коммунистическая революция!

— Точнее будет сказать — коммунистическая контрреволюция.

Вот вам забавный эпизод. Во время августовских событий 1991 года я лежал в «кремлевке». Меня только-только перевели из реанимационного отделения в обычную двухместную палату. Мой сосед — задумчивый «шишка» — запузыривал телевизор на полную мощность. Я думал, он меня окончательно доконает. Когда наконец все стало ясно, он, взъерошенный, метался по комнате и, как заведенный, повторял: «Контрреволюция победила! Контрреволюция победила!». Я и удивлялся, и смеялся над ним, даже возмущался про себя, а теперь пригляделся: точно.

— Как вы думаете, почему идеи Горбачева людей не слишком вдохновили, а против соблазна легких денег большинство устояло не смогло!

— По-моему, не устояло все-таки меньшинство. Но в прин-

ципе верно. Во-первых, потому, что наш народ почти всегда плохо жил. И не только после семнадцатого года, как нас теперь уверяют, но и до него. Морозовские стачки не на пустом месте возникали, видимо, был для них повод. За годы советской власти отрезки хорошей, относительно благополучной жизни можно по пальцам на одной руке пересчитать, еще и лишние останутся. Несколько лет при нэпе, когда существовала реальная конкуренция между кооперацией и частной торговлей. Чуть-чуть — в сталинские времена, чуть-чуть — при Хрущеве. Сейчас у нас уже, правда, и Брежнев вспоминают как благодетеля, но это просто по нынешней бедности кажется. Одну причину нашли. Однако есть и другая, на мой взгляд, более важная. Мы падали на легкие деньги, потому что систематическое, упорное «делание денег» для нас невыносимо скучно. Идеал обогащения, накопительства ни уму, ни сердцу русского человека ничего не говорит. По-моему, буржуазный образ жизни для русских неестествен. Он нам не по характеру, не по душе. Мне не по душе, во всяком случае. Не нужны мне ни «кадиллак», ни личный самолет. Зачем? Они бы меня только отвлекали от книг, от мыслей, от созерцания. Я люблю свойственную нам бесшабашность, даже лень нашу природную люблю, потому что это не душевная лень. Душа у русского трудится неустанно.

— Что же нужно делать, чтобы и характер сохранить, и жить по-человечески!

— Не знаю. Советов у меня не спрашивайте, теоретик я никудышный. Знаю, что уже делается — с помощью массовой пропаганды. Нас пытаются обезличить, привить нам психологию заурядных буржуа. Поэтому идет целенаправленное изгнание отечественной культуры с телеэкрана. Помните: «Там русский дух, там Русью пахнет»? У нас пахнет в основном Америкой. Я же, да не сочтут меня нахалом, грешным делом думаю, что понятия «американская культура» вообще не существует. Американцы синтезировали лучшее, заимствованное из чужих культур. Мы неизмеримо богаче, у нас все свое. Но Америка оказывает на наших руководителей прямо-таки гипнотическое воздействие. У них там душа не выдерживает. Наш Президент рассказывал, как трижды на вертолете облетел стацию Свободы и почувствовал себя в три раза более свободным человеком. Был я в Нью-Йорке, залезал на эту стацию вместе с Катаевым. Так мы влезли свободными и слезли свободными, ничего не изменилось. Свобода — качество внутреннее.

— Трудно сейчас пришлось бы в жизни «розовским» мальчикам!

— Не дай Бог сегодня родиться на свет таким, как вы выражаетесь, «розовскими

мальчиком. Представьте, что бы современный зритель сказал об Олеге Савине, рублившем мебель отцовской шашкой, — «Гаденыш, и так ничего не достанешь, а он еще с саблей лезет! Повесить его мало!..».

— Вы можете написать пьесу с сегодняшним двадцатилетним героем!

— А вы можете рассказать мне о вашем поколении?

— У нас и поколения-то по серьезному счету нет. Кроме общности возраста, нас ничто не объединяет.

— Это тоже примета времени. Все поодиночке, каждый сам за себя. Я счастлив, что завершаю жизнь так же, как и начал ее — в окружении друзей. У нас в доме всегда много народа. Вам будет значительно сложнее.

Я не могу написать пьесу о молодежи, потому что не понимаю ее психологии. Злых пьес я писать не умею. Я и так подошел к самому краю. У меня в «Кабанчике» мальчик кончает с собой. Сначала рубили мебель, потом стали рубить себя. Есть и такие, которые рубят других. В Костроме четырнадцатилетний школьник убил восьмилетнего за триста тысяч. Еще бы, его с экрана каждый день агитируют: играйте и выигрывайте, я стал миллионером, я буду вот такой миллионершей... Телевизионная реклама, даже дети берутся на вооружение. Им уже хорошо известно, что деньги — это не из области труда, а из области лотерей и везения.

— Свою внуку вы держите подальше от телевизора!

— Пытаюсь, пока не выросла и не начала сама командовать. Главное, чтобы все хорошее и правильное в ее душе успело сцементироваться. Человека с прочной основой никакая эпоха не разобьет. Это я по собственному опыту знаю.

— Неужели никогда не сойдется премьера новой пьесы Виктора Розова!

— Собственной пьесы — вряд ли. Но, надеюсь, состоится премьера инсценировки. Видите, я опять окружил себя Достоевским и снова взялся за своих любимых «Братьев Карамазовых». Был у меня «Брат Алеша», теперь хочу разобрататься в Смердякове. Самый страшный образ у Достоевского. Меня волнует нравственная проблема. Ведь он брат по отцу и Ивану, и Дмитрию, и Алеше. Брат и слуга — одновременно. Не от этого ли все его изуверство? Мне кажется, основной мотив его поступков — месть за унижение. Надо довести до зрителя вину Карамазовых. Несправедливость всегда отзывается злом.

— Вас тянет сегодня к людям, Виктор Сергеевич, или вы предпочитаете одиночество!

— Я как-то весь съезжился. В моем поколении было много хороших незнакомых людей. Теперь на улицах друг на друга смотрят отчужденно, даже враждебно. Я стал бояться людей. Меня тянет на природу, слава Богу, у нас еще сохранились совсем дикие уголки. Деревья подстриженных а-ля Версаль я не люблю, по-моему, это уродливо. Красота природы, как и человека, — в естественной жизненной силе. Постарайтесь ее в себе сохранить, вы дождетесь лучшего времени. Все еще впереди...

Беседу вела Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.

Фото Н. Самойлова.